

**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В НАУЧНОМ ПОЛЕ ЭЛИТОЛОГИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

- Канифатов Александр Сергеевич** кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: a.kanifatov@mail.ru
- Рогов Илья Игоревич** кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: rogov.skags@narod.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы современной теории элит – отраслевой социально-политической науки междисциплинарного характера, в контексте вызовов XXI столетия. Авторы дают обзор становления элитологии как самостоятельной междисциплинарной теории и рисуют перспективу её дальнейшего существования как специального научного знания. Главный лейтмотив статьи в том, что традиционная теория элит имела дело с устоявшимися социальными институтами и такой политической системой, в которой входы и выходы были заранее оговорены, тогда как в современном мире наблюдается процесс обрушения практически всех устоявшихся структур, в частности, предмета теории элит – собственно, самих элит. Выводы, к которым приходят авторы, таковы, что для адекватной рефлексии новой реальности необходимо новое научное знание с инновационными терминологией и методологией.

Ключевые слова: теория элит, гражданское общество, социальная система, социальные институты, политический проект.

Изучение элит вообще и политических элит, в частности – одно из важнейших направлений в науке, которое позволяет понять сущность и смысл, динамику и направления трансформаций в политике и обществе, т.е. направление развития современных и исторических процессов, с чем связана популярность и широкое развитие элитологии – отраслевой социально-политической науки междисциплинарного характера, исследующей те группы в обществе, которые задают направление развития всего общества.

Современная элитология рассматривает общество как сложную динамическую социальную систему, включающую подсистемы (управляющую и управляемую), внутри которых существует система субординации, базирующаяся на убеждении большей части общества, что другая, меньшая его часть, имеет морально-нравственные и иные основания управлять последней. Одним словом, право управлять всеми делегировано немногим на том простом основании, что они лучшие, причем основания легитимности состоят в ней самой: элиты правят потому, что они лучше других.

Теория элит [5, с. 186-191] возникла сравнительно поздно, на исходе XIX века, и являлась попыткой отрефлексировать появление наряду со старой аристократией, новой, не только "новых денег", но и самого социального явления, при котором общество стало доверять правление не только старым классам, но и представителям новых политических структур.

Так, В. Парето констатировал: «Нравится это некоторым теоретикам или нет, но фактически человеческое общество не является однородным, люди отличаются друг от друга физически, нравственно, интеллектуально. Здесь ставится задача изучать реальные феномены, поэтому следует учитывать данный факт. Однако надо принимать во внимание и другой факт: что социальные классы не являются полностью изолированными даже там, где существуют касты, и что у современных наций цивилизованного мира происходит интенсивная циркуляция между различными классами» [6, с. 306-307].

За почти полтора прошедших столетия сделано было очень многое. С гордостью можно отметить, что элитология как отраслевая дисциплина – во многом заслуга отечественной

школы политической и социальной науки. Сам термин "элитология" российского происхождения. Он появился в 80-х гг. XX века, развился в самостоятельную науку, внутри которой уже появились направления, например, социология элиты [1, с. 27-37] или исследования региональных элит, по которым специализируется ростовская школа элитологических исследований [3-5].

Традиционная элитология рассматривает общество в категориях социальной стратификации и институционализации, т.е., грубо говоря, как набор нескольких слоёв (классов, страт), наверху которой находится высшая страта, которую и изучает теория элит. Системная и стохастическая элитология рассматривает общество как целостную синергетическую систему, существование которой описывается самоорганизацией, при которой периоды стабильности чередуются с периодами слома (бифуркации). Есть и другие подходы. Однако почти все они исходят из положения, что даже после прохождения периода нестабильности система вернётся к некоему институциональному состоянию, т.е., проще говоря, мы не можем знать численный и качественный состав будущих элит, но то, что они будут функционировать в рамках социально-политических институтов (пусть даже и трансформированных), не поддаётся сомнению. Но что если рухнет сама институциональная структура? Примеров этому предположению можно найти достаточно: кризис государства, кризис веры, кризис семьи. Всё это только наиболее заметные вехи среди кризисов и трансформаций современного мира. Если данное предположение верно и кризисом охвачена сама институциональная структура общества, то тогда перед элитами встаёт вызов совершенно иного характера, структурировать общество на принципиально новой, неизвестной социальной матрице, тем более, что после окончания Холодной войны, формирования, а затем и кризиса однополярного мира, появляются, как минимум, два вопроса: во-первых, что конкретно данное конкретное общество понимает под словом "лучшие", и, во-вторых, каков состав самих элит?

Первый вопрос имеет несколько измерений, одно из которых сводится к социальным архетипам, разделяемыми обществом, к добру ли, к горю ли. В западных англосаксонских обществах государство функционирует как институт налогообложения. Иными словами, на вопрос, почему люди объединяются в государство, помимо традиционного – оно защищает, даётся и другой ответ: государство позволяет частной инициативе развиваться, свободно торговать, а взамен каждый интегрированный в неё индивид обязан отчислять часть полученной прибыли на общее дело. Поэтому так грозно звучат обвинения в западных масс-медиа: "он не заплатил налоги": фактически, это означает, что он не выполнил основную социальную функцию и нарушил общественный договор. Отсюда транслируется и основное требование к социальным и политическим элитам: в вопросах исполнения социального договора быть лучше, чем остальные, т.е. честно платить налоги и жертвовать на благотворительность.

Но в российском государстве сложились иные корреляции. Вопрос о налогах не имеет принципиального значения в отечественной системе ценностей, в т.ч. и в политической культуре, тогда как принципиальной является такая тяжело поддающаяся юридической фиксации категория, как "справедливость". Отечественные олигархи могут платить или не платить налоги, могут сначала не заплатить, а потом покаяться и вернуть государству недоимки, но в глазах среднестатистического гражданина они будут оставаться "ворами", – людьми, несправедливо нажившими свои богатства.

Соответственно и элиты, оторванные от народа либо наоборот интегрированные в народ, всегда будут иметь дело с народом, обществом, в частности коллективными социальными архетипами, принятыми и разделяемыми обществом. Важно понимать, что элиты, не только политические, но и интеллектуальные, далеко не всегда формируют и контролируют эти архетипы. В этом смысле наша страна – классический пример не просто разрыва, но и перманентно неудавшегося контроля над коллективными социальными архетипами. Одним из результатов реформ Петра I стало выделение петербургской элиты, которая сформировала свой, собственный культурный пласт с уникальной ценностной структурой, которая, как всем известно, совершенно не прижилась в народе. Даже после многократного хождения народовольцев в народ, разрыв в ценностях и оценках, хотя и сократился, накопившиеся противоречия всё равно превалировали, и общество в целом рассматривало дворянскую верхушку не как субъектов двигателей прогресса, распространителей цивилизации и вообще

лучших людей, а как слой, несправедливо пользующийся рядом привилегий. Если в Англии элита воспринимается обществом в буквальном смысле – "те, кто лучше тебя", то в России оценка была обратной: дворянская элита была тем субъектом, который несправедливо обладает привилегиями (понятия "контроля над ресурсами" в общественной мысли XIX столетия не существовало).

В краткий по историческим меркам коммунистический период ситуация повторилась: общество рассматривало номенклатурных вождей как людей (за редким исключением), достигших высот власти не за заслуги, а по иным каналам. Особенно глухое недовольство общества проявилось в период "хрущёвской оттепели" и после кончины Л.И. Брежнева, соответственно, прослеживается некое сигнализирование того, что власть несправедлива. Такова идея оценки деятельности руководящих органов в послесталинском СССР.

В современной России акцент несправедливости направлен, в первую очередь, на довольно расплывчатую группу олигархов, которые согласно оценке, разделяемой подавляющей частью общества, несправедливо нажились на итогах приватизации [2]. Однако копни глубже – тут же в связке с олигархами пойдут и чиновники. Оставим подробный анализ вопроса о справедливости/несправедливости современной элиты на потом. Главное мы выявили: российское общество может мириться с разными недостатками, с не очень высоким уровнем жизни, даже с ущемлением в правах, но клеймо социальной несправедливости на конкретном политическом субъекте, в данном случае на элите, всегда оказывается тем элементом, который подтачивает легитимность власти.

Следующий вызов, который встаёт перед современными элитами, – соответствие современным социальным трансформациям, в частности смешению народов. Современная элита, прежде всего западная элита, стоит перед непростым выбором: европейское общество стремительно меняет расовую, этническую, ценностную и прочие социальные идентичности. Хорошо это или плохо, на правильном пути стоит Европа или нет? Вопрос открытый. Тут важно понимать две вещи. Первое: смена социальных приоритетов (а в случае с Европой ещё и этносоциальных) неизбежно ведёт к смене политической системы, в т.ч. и форм правления, и второе – трансформация общества снизу выставляет перед элитами ультимативное требование измениться сообразно новым ценностям общества и предложить такие идеи, проекты, мифологемы, которые сохранили бы за этой элитой власть.

Мы поставили эти вопросы, но развёрнуто ответить на них – задача отдельной монографической работы. Для цели данной статьи важно другое: как будут развиваться события в России? Отечественная элита, к счастью, не стоит перед вопросом ответа на вызов беженцев из дальнего зарубежья (и надеемся, никогда не встанет перед столь сложным вызовом). Показательно, что миграцию из ближнего зарубежья после развала СССР отечественная элита благополучно пропустила, так и не сформировав стройную, понятную концепцию, в которой бы говорилось о предпочтениях и ограничениях. Но отечественной элите рано или поздно придётся ответить на другой вызов: вслед за европейской элитой выработать новые политические ориентиры, как в отношении формы правления, так и идеологического характера. Начиная практически с XVIII столетия, значительная часть отечественной, прежде всего интеллектуальной элиты, безоговорочно принимала республиканско-демократические формы правления за эталон.

Но что будет, если в результате социальных трансформаций ценности народов Европы поменяются, то какой выбор сделает отечественная интеллектуальная элита или, так скажем, ее значительная часть, привыкшая рассматривать европейские ценности как эталон?

Все эти вопросы пока не имеют ответа, но их решение ближе, нежели может показаться: отвечать придётся в первой половине XXI века, не позже.

Следующий вызов, перед которым стоит современная элитология, – вопрос о формах правления и политических режимов.

Здесь намечаются несколько направлений. Первое из них – кризис парламентской демократии. В идеале либерализма предполагается, что парламент является органом, не позволяющим исполнительной власти узурпировать всю власть. Но это означает необходимость сильного парламента, который невозможно создать извне, или по заказу, или административным принуждением. Ничего подобного мы не наблюдаем уже много лет. Исклю-

чением, да и то с оговорками, остаётся британский парламент, но парламентарии большинства демократических европейских стран, во многом зависимые не от избирателей, а от иных, как правило, лоббирующих и финансовых структур.

Соответственно возникает вопрос: можем ли мы, представители академической науки, классифицировать парламентариев как "элиту"? Простой здравый смысл отвечает отрицательно, но по канонам науки (канонам, сформировавшимся ещё в XIX столетии ответ должен быть положительным).

Следующий вызов современной элитологии относится уже к анализу политических режимов. Не будем перечислять методы исследования разных элит от политических до профессиональных. Они примерно известны. Однако большинство этих методов адекватно работает лишь в рамках традиционного академического проекта высшей школы, когда элиты исследуются во взаимосвязи с институтами. Но современность (или "постсовременность", как любят говорить постструктуралисты) характеризуется кризисом институциональной системы общества. Возьмём простой пример: соотношение власти и медиа. Мы привыкли рассматривать медиа в основном в трёх направлениях: как инструменты трансляции властных интересов, как инструменты критики власти и как самостоятельных агентов. Но последнее двадцатилетие демонстрирует активное взаимопроникновение, фактически сращивание публичных социально-политических элит и шоу-бизнеса. На рубеже тысячелетий, мы наблюдали постепенное проникновение актёров в политику. Рональд Рейган, ставший Президентом США в далёких 80-х гг., казался исключением, но Арнольд Шварцнеггер, выигравший губернаторское кресло, продемонстрировал, что он не просто профессиональный актер, а шоумен, получивший популярность исключительно как актёр, может занять административное кресло и даже быть вполне успешным управленцем.

Таков был первый этап проникновения шоу-бизнеса в политику. Далее наметился обратный процесс: политика, в частности политическая культура, формируемая политическими элитами, всё больше и больше стала ориентироваться на механизмы и инструменты шоу-бизнеса. Формирование имиджей кандидатов в президенты Соединённых Штатов в значительной степени отошло от традиционных, классических канонов и свелось к имиджу актёра из крупного блокбастера: те же методологические приёмы, те же режиссёрские находки, в некоторых случаях те же имиджмейкеры.

Последние президенты США – фактически проекты разных элитарных групп самой Америки по достижению тех целей, которые ставит элитарная группа, победившая на выборах. При этом эти группы не совпадают с контурами политических партий – республиканской и демократической, но формируются по иным, как принято говорить в науке, "латентным" каналам. Наука же ещё не выработала таких инструментов для анализа президента-проекта и поддерживающей его элиты, которые бы можно было бы назвать "консенсусными" и "общеизвестными". Разумеется, инструменты для такого анализа есть, но они локализованы внутри частных закрытых исследовательских центров, а не в стандартном университете.

Отсюда выстраивается следующая перспектива для элитологии: выработать инструментарий и методологию, специально направленную на изучение латентных кластеров мировой и региональной политической (да и любой иной) элиты.

Таким образом, мы получаем именно тот вывод, согласно которому, социально-политическая наука, особенно академическая политическая наука, отстала в анализе указанных инноваций, хотя бы потому что её инструментарная часть предполагает работу в рамках устоявшейся институциональной структуры, тогда как описанный выше процесс взаимопроникновения политики и шоу-бизнеса – пример трансформации, а то и слома традиционных институтов. Современная элитология не в полной мере способна ответить на этот вызов, в первую очередь по своим внутренним причинам: отсутствует современная терминология, которая бы адекватно описывала бы указанные процессы. Это вызов, на который предстоит ответить в ближайшем будущем: либо отказаться от методологии, основанной на анализе институтов, либо трансформировать само понятие "элиты". Разумеется, результирующая, к которой придёт элитология XXI столетия, будет включать оба показателя, но в каких пропорциональных отношениях, будет зависеть от конфигурации не столько научных, сколько объективных политических сил на глобальной мировой карте.

Можно и далее перечислять и разбирать накопившиеся перед наукой проблемы, однако общие черты уже ясны: наука, как она сложилась в школах XX века, не отражает реальности современных мировых трансформаций. Нужна новая терминология, нужна новая методология, под которые необходимо переформулировать объект-предметную область. Повторим ещё раз: если, к примеру, депутаты, избранные в парламент, априорно не являются полностью самостоятельными субъектами, то можно ли их называть "элитой"? Или если в гипотетическом представлении определенных реалий президент одной из самых сильных ядерных держав глобального (и, безусловно, многополярного) мира вылеплен шоуменами как локальный политический проект, то кто есть элита – формальная, видимая часть (президент и его администрация) или их комбинация – часть администрации и часть финансовых кругов? Для элитологии XXI столетия жизненно необходимо сформулировать такие новые категории, которые позволят отделить мнимые элиты (прежде всего мнимые социально-политические элиты) от реальных, и эти категории должны функционировать на рационально-теоретическом, а не только в прикладном сегменте.

Литература

1. Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 6.
2. Вахтина М.А. Нарушение социальной справедливости в российской экономике: причины и следствия // Карельский научный журнал. 2015. № 2(11). С. 66-69
3. Ветренко И.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В. О современном состоянии российской политической элиты и направлениях ее реформирования // Вестник Омского университета. 2015. № 1.
4. Игнатова Т.В. Политико-экономические факторы интеграционных процессов в российской элите // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 3. С. 14-23.
5. Колядин А.М. "Группа интересов" против "элиты": теория А. Бенгли в контексте взглядов элитистов (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35).
6. Парето В. Компендиум по общей социологии; пер. с итал. А.А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М.С. Ковалёвой; науч. консульт. Н.А. Макашёва; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - 2-е изд. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
7. Старостин А.М, Пустовалова Н.Н. Фактор научной школы в элитологических исследованиях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (33).

Kanifatov Aleksander Sergeevich, Candidate of Sociological Sciences, Docent of Chair of public administration and municipal management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)E-mail: a.kanifatov@mail.ru

Rogov Ilya Igorevich, Candidate of Philosophy, Docent of Chair of of sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: rogov.skags@narod.ru

MODERN CHALLENGES IN THE SCIENTIFIC FIELD OF ELITOLOGY: INSTITUTIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Abstract

The article analyzes the problems of the modern theory of elites - sectoral socio-political science interdisciplinary character, in the context of the challenges of the XXI century. The authors give an overview of the formation elitologii independently interdisciplinary theory and draw the prospect of its continued existence as a special scientific knowledge. The main leitmotif of the article is that the traditional theory of elites dealt with established social institutions and a political system in which the inputs and outputs have been pre-specified, whereas in the modern world there is a process of collapse of almost all established structures, in particular, the subject of the theory of elites - in fact, the elites themselves. The conclusions reached by the authors are such that a new scientific knowledge with innovative terminology and methodology is necessary for an adequate reflection of the new reality.

Keywords: *theory of elites, civil society, social system, social institutions, political project.*